

Леванда Лев Осипович

Очерки прошлого
Рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Осипович Л.**
Очерки прошлого: Рассказы / Леванда Лев Осипович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
227 с.

ISBN 978-5-519-92750-5

ISBN 978-5-519-92750-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

П Э Ш К А.

(РАЗСКАЗЪ ЕВРЕЙКИ).

Что у насъ красота тѣлесная? — Ничего, и гроша мѣднаго не стоитъ. Будь ты себѣ раскрасавица, какъ сама парица Эсеиръ, никто тебѣ и спасибо за то не скажетъ; вотъ какой скверный у насъ нравъ! Это не то, что у нихъ, у христіанъ; у нихъ красота вездѣ на первомъ мѣстѣ, потому что они знатоки, цѣнители, не то что нашъ братъ, еврей. У нихъ, около хорошенькаго личика всѣ увиваются: знатные, не знатные, графы, не графы, даже самъ панъ маршалекъ, *) ей ей, я сама это видѣла. За хорошенькую дѣвушку они въ лобъ палятъ другъ другу и, Богъ знаетъ, что готовы дѣлать. Одарилъ Богъ кого нибудь изъ ихнихъ дѣвушекъ благообразіемъ — значитъ и приданое богатое положилъ ей съ самаго со дня рожденія; ужъ вѣрно не засидится и не выйдетъ за кого попало.

Вотъ, примѣрно, хотъ бы наша шинкарка Аделька: кто она была изъ себя? Простюха, мѣщанка; отецъ — сапожникъ, а мать и похуже того; однакожь, панъ Цыбулевичъ, естолначальникъ изъ самаго изъ губернскаго

*) Предводитель дворянства.

правленія, взялъ и влюбился въ нее, и вотъ она теперь пани Цыбулевичева, важничаетъ, какъ настоящая шляхтянка, что въ хоромахъ родилась и въ разные пансіоны ходила. Какихъ платьевъ онъ ей нашилъ! Шелковыхъ не шелковыхъ, даже лисью шубу съ собольимъ воротникомъ ей купилъ. — Мы—хвастаетъ она, и собственный домъ купимъ, аль наново выстроимъ, когда мужъ секретарское мѣсто получить. И вѣрно получить: Аделька со всѣми важными особами знакома, извѣстно—шинкаркой была.—Вотъ какое счастье къ ней прикатило! И, спрашивается, чѣмъ она взяла? Однимъ только личикомъ своимъ, которое панамъ почему то больно нравилось, хотя Аделька супротивъ Пэшки, моей сестры, была совсѣмъ не хороша.

Бѣдная сестрица! На что пригодилась тебѣ твоя красота? Кому она досталась? Фи, и вспоминать страшно! Правду говаривала намъ матушка: родись вы у меня по хуже, но по-богаче, и было бы больше проку; безъ приданого нѣтъ желаннаго. Въ самомъ дѣлѣ, что за приданое для насъ красота? Для нашего брата, еврея, сотня чистобава во сто разъ лучше распрекраснѣйшаго лица. Можетъ быть, и правы они, братья наши.

Богъ съ ними!

* * *

У нашихъ родителей было насъ двѣ: Пэшка и я. Былъ еще братъ, Лейзеръ; но его я не помню: онъ умеръ, когда мнѣ и году еще не было. Славный, говорятъ, былъ малый; весь въ покойнаго дѣдушку, раввина, удался: такой прилежный, такой ученый, всему городу на удивленіе былъ. Но это, должно быть, и свело его, бѣднаго, въ раннюю могилу: ничто такъ не опасно, какъ когда люди глаза свои на тебя таращить станутъ—какъ разъ сглазятъ. Однажды, въ великую субботу, когда онъ въ

большой синагогѣ, въ день своего бармицва *), читалъ публично проповѣдь своего собственнаго издѣлія—народу было тѣма-тмущая: всякъ любопытствовалъ взглянуть на молодаго проповѣдника — онъ крѣпко простудился и послѣ Пасхи—его уже не было въ живыхъ.

Мать чуть не помѣшалась отъ такого тяжкаго удара, постигнаго ее такъ неожиданно; цыганка—ворожея, которую привели къ больному, когда всѣ доктора уже махнули рукой, всѣми силами души увѣряла, что онъ выздоровѣетъ и будетъ раввиномъ. Вотъ тебѣ и раввинъ! Всю жизнь потомъ матушка оплакивала свою потерю. Каждый годъ, въ день смерти брата, она постилась, ставляла восковыя свѣчи, раздавала милостыню; дѣлала обѣты, дабы Богъ умилосердился и подарилъ ей другаго сына; но Богъ не умилосердился: матушка уже больше не рождала. По совѣту кумушекъ, она уже собиралась было съѣздить за благословеніемъ къ одному чудотворному раввину; но когда всѣ сборы были уже сдѣланы, она вдругъ узнала, что этотъ чудодѣй только что преставился. Почитая это худымъ для себя знакомъ, матушка слегла въ постель.

Во время болѣзни, въ одну ночь, ей причудилось, будто покойная бабушка вышла изъ шкапа, подошла къ кровати и такъ стала говорить: „Перестань уже кручиниться о твоёмъ Лейзерѣ, ты только Господа Бога гнѣваешь и очищенную душу тревожишь. Суда Божьяго не передѣлаешь.—Онъ справедливъ и судъ Его справедливъ. Чистая душа твоего Лейзера воспрянула на лоно нашего прародителя Авраама. — Святъ, святъ, святъ Богъ Саваоѣ“ и исчезла. Въ эту ночь матушка потѣла и стала выздоравливать.

*) Религіозное совершеннолѣтіе, наступающее для еврея на тринадцатомъ году.

Но — чуръ! Куда это занесли меня мои мысли! Хотѣла рассказать про Пэшку и заболтала о братѣ. Такъ все на свѣтѣ бываетъ: хочешь дѣлать одно, а глядь — дѣлаешь совсѣмъ другое. Вотъ хотя бы относительно тебя, Пэшка: ужъ какъ не любили тебя родители наши, жизни бы своей не пожалѣли, чтобъ ты была счастлива; а на самомъ то дѣлѣ, что они сдѣлали? Выкопали яму и... прости меня, Господи, все такія не добрыя слова на языкъ лѣзутъ, тьфу!

* * *

Много красивыхъ дѣвушекъ было въ нашемъ городишкѣ, но такой красавицы, какъ Пэшка, не было и не будетъ. Такъ говорили всѣ, даже враги наши. Покажется, бывало, на улицѣ, — всѣхъ глаза на нее только и смотрять, какъ на диковину. Намъ всѣ завидовали, но матушка говорила, что пока еще не зачѣмъ завидовать намъ: еще неизвѣстно, какая доля ей припадетъ. Дѣйствительно, Пэшка, что называется, засидѣлась: къ ней сватались многіе, но все такіе простые, бѣдняки, что матушкѣ жаль было выдать за нихъ такую игрушку. Женихи же почище и въ нашу сторону не смотрѣли, потому что знали, что за Пэшкой нѣтъ никакого приданаго: родители наши были честные, но бѣдные обыватели. Матушка все еще не теряла надежды, куражилась, выбирала, отказывала; Пэшка и засидѣлась: ей уже стукнуло двадцать второй годъ, а это у насъ и есть старая дѣва.

Дѣлать было нечего, нужно было торопиться, чтобъ Пэшка не засидѣлась совсѣмъ, и сосватали ее на скорую руку.

Въ ту пору, когда Пэшка выходила замужъ, я была еще все равно что ребенокъ.

Я очень любила ее, сестру мою; она меня — тоже. Чуть солнышко взойдетъ, она, бывало, сама разбудить

меня, умоеть, причешеть, заплететь мою косу кренделемъ, одѣнетъ меня и дастъ завтракать свѣжѣйшіе сдобные пирожки и чашку сладкаго кофею со сливками. Никому она не давала одѣвать, причесать меня: ни нашей служанкѣ, ни даже матушкѣ. „Не съумѣете, испортите“, говорила она. Дѣйствительно, случилось однажды—Пэшка куда то рано вышла; Райца, служанка напала, возьми и заплетай мнѣ косу по своему, по старосвѣтскому. Какъ я взглянула на себя въ зеркало, такъ и покатилась со смѣху, такая уморительная вышла прическа. Долго возилась потомъ Пэшка съ моими волосами, пока привела ихъ въ порядокъ. Я какъ будто ожила, когда почувствовала на головѣ обычный крендель, который ко мнѣ такъ шелъ.

— Довольно тамъ возиться съ нею, ты ее уже слишкомъ балуешь,—скажетъ бывало матушка.

— Нѣтъ, матушка, не балую, отвѣтитъ Пэшка, — только убираю ее, какъ слѣдуетъ. Посмотри, матушка, какая она у меня краля; ну скажи сама, развѣ есть гдѣ такое дитя?

— Ужъ ты тамъ Богъ вѣдаетъ что городишь. Смотри только, какъ бы ее не сглазили.

— Я глаза тому выцарапну, кто осмѣлится сглазить мою распрекрасную царевну. И Пэшка, бывало, обвинетъ меня и крѣпко прижметъ къ своей груди. Однимъ только Пэшка не угождала мнѣ: ни за что она бывало не пускаетъ меня въ билліардную, къ гостямъ; а меня такъ тянуло туда! Да, я забыла вамъ сказать, что мы содержали кофейню. До свѣтелки, въ которой я играла съ моими куклами, изъ билліардной доходили такіе громкіе звуки, смѣхъ и говоръ, что куклы бывало надоѣдаютъ мнѣ своимъ молчаніемъ, и я въ сердцахъ щипала ихъ, чтобы добиться отъ нихъ какого либо голоса.

— Пэшка, хочу туда,—бывало, умоляю сестрицу.

— Не нужно, крошечка, сиди себѣ тутъ, или ступай гулять съ твоими куклами.

— Не хочу гулять, не хочу! И я принималась хныкать.

— Эге, такъ ты у меня уже такая? Прочь, я уже больше не люблю тебя.

Этихъ словъ бывало довольно, чтобы я образумилась.

— Люби меня, люби, Пэшка, душка! кричала я, цѣпляясь за передникъ.

— А что, капризничать будешь?

— О, нѣтъ, не буду, не буду.—Смотри же.

И поцѣлуй въ уста возвращалъ мнѣ прежнее спокойствіе, и я мирилась съ моими куклами, толкуя имъ по цѣлымъ часамъ, что не слѣдуетъ проситься туда, гдѣ паны въ билліардъ играютъ и кофе пьютъ, потому что Пэшка будетъ гнѣваться и такъ дальше.

Разъ, однакоже, въ отсутствіе Пэшки, мнѣ удалось пробраться въ билліардную.

Я увидѣла большую комнату съ закопченнымъ отъ дыма потолкомъ, многихъ пановъ, которые курили, разговаривали и такъ громко хохотали, что я испугалась. Я бросилась назадъ, но одинъ изъ гостей вскочилъ съ своего стула и загородилъ мнѣ дорогу.

— Wohin? спросилъ онъ строго.

Я уже хотѣла было заплакать, переиспугавшись крика строгаго пана, но тутъ вмѣшался нашъ маркеръ и я успокоилась. Онъ взялъ меня за руку и сталъ водить меня по комнатѣ, останавливаясь то передъ тѣмъ, то передъ другимъ изъ гостей. Одинъ погладилъ меня по головкѣ, другой потрепалъ меня по щекѣ, третій подарилъ мнѣ конфетъ, четвертый, какой то офицеръ съ большими усами, хотѣлъ поцѣловать меня; но я не далась, закрывъ лицо передникомъ. Паны громко захохотали и заговори-

ли что-то съ маркеромъ, приче́мъ они упоминали мою сестру и все хохотали да хохотали. Маркеръ также ухмылялся, глядя мнѣ прямо въ лицо и почесывая свою рыжую бородку. Мнѣ стало страшно и дурно отъ дыма, хохота и разговора, котораго я не поняла; я вырвалась изъ рукъ маркера и удрала къ себѣ.

Нѣсколько ночей потомъ мнѣ все снилось—Пэшка, ха, ха, ха! Пэшка, ха, ха, ха! дымъ, усы офицера и рыжая бородка нашего маркера.

Больше я уже не просилась въ билліардную: Я ее возненавидѣла, я ее пугалась.

* * *

Наступала свадьба Пэшки. Приѣхалъ женихъ съ своими родителями и заквартировалъ насупротивъ насъ, въ желтой корчмѣ.

Женихъ былъ маленькій, чернявенькій, съ быстрыми глазками, бѣленькими зубками, длинными пейсиками, съ косматыми бородавками на всей рожицѣ и прихрамывалъ на одной ножкѣ—какъ разъ чертенокъ. Онъ не досягалъ и до плечъ моей сестры, которая была изъ себя такая статная, полная, роскошная, съ такимъ прекраснымъ лицомъ. Его все водилъ за руку какой-то сердитый еврей, котораго называли *ребе*.*) Онъ ни шагу не дѣлалъ безъ этого ребе. Въ школу ли молиться ходилъ, или къ намъ обѣдать—ребе всегда при немъ; при томъ, сердитый ребе такъ таращилъ глаза и поводилъ свое длинною бородою, что я боялась близко подходить къ маленькому жениху, чтобы поиграть съ нимъ въ куклы, чего мнѣ очень хотѣлось.

Разъ однакоже въ субботу, когда онъ сидѣлъ у насъ и обѣдалъ, а ребе что то напѣвалъ, приче́мъ онъ жмурилъ глаза и постукивалъ вилокъ, я, собравшись съ ду-

*) Учитель.

хомъ, тихонько подкралась къ жениху и щипнула его за руку.

— Ой-вей! — взвизгнулъ онъ, чуть не слетѣвъ съ кресла. Всѣ обернулись въ нашу сторону.

— За что ты его ущипнула? спросилъ отецъ.

— За то, что не идетъ поиграть со мной въ куклы.

— Развѣ онъ тебѣ ровня?

— Разумѣется: онъ маленькій и я маленькая. Всѣ громко засмѣялись, а Пэшка покраснѣла, какъ ракъ, и поднесла платокъ къ своему лицу.

Разскажу еще одинъ случай съ нашимъ маленькимъ женихомъ.

Насъ пригласили на чай къ мехутонимъ *) въ желтую корчму. Это было подъ вечеръ. Мы одѣлись по праздничному и пошли. Батюшка шелъ впереди, ведя меня за руку, а позади насъ шла матушка съ Пэшкою. На крыльцѣ встрѣтилъ насъ мехутенъ, который, отворивъ настежь дверь, торжественно ввелъ насъ въ большую комнату, въ которой ожидала насъ мехутенша, одѣтая тоже по праздничному. Жениха и его ребе что-то не видать было, чему я очень рада была, потому что я страхъ какъ боялась сердитаго лица ребе. Внесли самоваръ и мы разсѣлись вокругъ стола.

Пили чай. Батюшка разговаривалъ съ мехутеномъ, мехутенша же что то рассказывала матушкѣ, а Пэшка молчала, задумчиво глядя меня по головкѣ. Наконецъ мнѣ наскучило сидѣнье на одномъ мѣстѣ, и я пошла бѣгать по комнатѣ, гоняясь за кошкою, которую мнѣ очень хотѣлось поймать. Она бросалась изъ угла въ уголъ, кувыркалась, карабкалась, но я не отставала отъ нея. Вотъ, вотъ она уже въ моихъ рукахъ, тащу ее за

*) Родители жениха.

лапу, она жалобно мяукаетъ, словно просить пардону, но вдругъ, цапъ! и она въ два прыжка уже въ другой комнатѣ. Я за нею, она давай въ третью, и отсюда въ полуотворенную дверь четвертой комнаты. Здѣсь я остановилась и не смѣла гнаться за моею бѣглянкой, потому что изъ комнаты слышался хриплый голосъ сердитаго ребе.

— Чурбанъ не обтесанный, голова ты ослиная, да говори же, тебѣ ли говорятъ?—гремѣлъ ребе, стуча кулаками о столъ.

Женихъ пропихивалъ нѣсколько словъ робко, жалобно и съ знакомымъ мнѣ прищѣвомъ, который я не разъ слыхивала въ ходерахъ *)

— Такъ?! завопилъ ребе съ яростью, — и въ комнатѣ раздалась громкая пощечина, словно изъ ружья выстрѣлили.

Я вздрогнула и забыла о кошкѣ, проникшись состраданіемъ къ бѣдному мальчику, всхлипыванья котораго рѣзали мое сердце.

— Что, ты плакать вздумалъ? Постой же, голубчикъ, ты заплачешь у меня другимъ голосомъ. Поди-ко, поди-ко сюда.

— Ребуню, ребуню, — сталъ умолять мальчикъ, — пощадите меня, о, ради Бога, пощадите! Я уже понялъ, извольте только выслушать меня, я уже понялъ.

— Гдѣ тебѣ понимать, Степка! Три битыхъ часа тебѣ толкуютъ, а ты чортъ знаетъ о чемъ задумался! Тебѣ все свадьба да невѣста на умѣ; постой же, задамъ тебѣ свадьбу получше этой. Ну, маршъ, разстегнись!

— Ребуню!

*) Школахъ.

— Разстегнись, говорю тебѣ. Разстегнись, не то хуже будетъ.

Я поняла, въ чемъ дѣло и, какъ стрѣла, полетѣла къ нашимъ.

— Пэшенька, матушка, скорѣе, спасите: ребе хочетъ высѣчь нашего жениха!—успѣла я вымолвить и повисла на шеѣ моей сестры.

Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ и, не говоря ни слова, выбѣжали изъ комнаты, въ которой остались одна только Пэшка и я.

Я сидѣла на ея колѣняхъ, склонивъ голову къ ней на грудь; которая то подымалась, то опускалась, такъ что я должна была крѣпко держаться ея пояса, дабы не слетѣть. Но вдругъ Пэшка схватила меня за шею, съ минуту крѣпко держала ее въ своихъ рукахъ, потомъ толкнула меня отъ себя такъ неистово, что я, какъ снопъ, повалилась на полъ.

— Воды! мнѣ дурно!—чуть слышно проговорила Пэшка, замотала головою и закрыла глаза.

На мой неестественный крикъ: „помогите, Пэшка умираетъ!“ всѣ сбѣжались и засуетились около ослабѣвшей. Она открыла глаза, и, полчаса спустя, матушка отвела ее подъ руку домой, батюшка же остался еще гостить у мехутонимъ.

* * *

Въ свѣтелкѣ, гдѣ я спала, кромѣ моей кровати, стояли кровать Пэшки, комодъ и туалетное зеркало. Наканунѣ дня свадьбы, когда всѣ въ домѣ улеглись спать, а я успѣла уже выспаться на одномъ боку и перевернуться на другой, въ спальню вошла Пэшка со свѣчей въ рукахъ, тихонько, на цыпочкахъ, боясь разбудить меня, хотя я уже не спала, а такъ себѣ лежала. Она поставила свѣчу на комодъ, сѣла на свою кровать, скре-